

И. Ф. ГИНДИН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК И ЗЕРКАЛЬНЫЙ СИНДИКАТ

Во время экономического кризиса 1900—1903 гг. одной из основных мер экономической политики царского правительства (с конца 1899 г.) явилось спасение крупных предприятий и банков с помощью многомиллионных неуставных ссуд Государственного банка. Кратковременная, по мысли Витте, помощь предприятиям и банкам, имевшая целью дать им возможность устоять под ударами кризиса и пережить трудное время, фактически привела к многолетнему финансированию их Государственным банком, к переложению на банк убытков крупного капитала и к усилению, в конечном счете, процессов монополизации промышленности и банков.

Среди многомиллионных неуставных ссуд история небольшой ссуды Русско-Бельгийскому обществу для производства зеркального стекла (быв. Ф. Беклемишева)¹ интересна тем, что ярко показывает отношение царского правительства к синдикатам и к их политике резкого ограничения производства, вплоть до полной консервации предприятий.

Самостоятельный интерес представляет второй синдикатский договор четырех стекольно-зеркальных предприятий 1910 г.² Хотя некоторые основные черты этого синдикатского соглашения проникли в литературу,³ но не известный до сих пор полный текст договора рисует всю организацию и механизм действия

¹ ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 1009, лл. 628—631, 633 и др.; см. также: ГИАМО, ф. 450, д. 369.

² ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 1009, лл. 576—579. Договор был заключен на срок с 1 января 1911 г. по 1 января 1923.

³ См.: Русские биржевые ценности 1914—1915 гг. Под ред. М. И. Боголепова, Пгр., 1915, стр. 194—195. В известной работе Г. Цыперовича «Синдикаты и тресты в дореволюционной России» (1927, стр. 266) воспроизводится по Зеркальному синдикату лишь данные М. И. Боголепова.

синдиката, а в сочетании с отчетными данными⁴ входивших в него предприятий впервые дает возможность подойти к исчислению величины максимальной прибыли русских промышленных монополий.

В 1894—1898 гг. были учреждены или преобразованы из единоличных предприятий четыре крупных акционерных общества с уставными капиталами от 2250 до 2750 тыс. р. каждое, сосредоточившие почти все производство зеркального стекла: Северное стекольно-промышленное общество (заводы в Петербурге и Финляндии, правление в Петербурге), Московское стеклопромышленное общество (предприятия в Москве и Калужской губ., правление в Петербурге), Русско-Бельгийское общество с заводом и правлением в Рязанской губ. и действовавшее на бельгийском уставе Общество зеркальных заводов на Юге России в Константиновке.⁵ Первые два общества являлись русскими и подпали под контроль Петербургского международного банка,⁶ третье и четвертое общества являлись бельгийскими. В годы кризиса убытки только первых трех обществ составили свыше 3 млн р. или свыше 40% от их капиталов, и в 1902 г. все четыре общества образовали синдикат (Общество для продажи изделий русских зеркальных заводов, именовавшееся обычно Зеркальным синдикатом). Синдикат законсервировал заводы центрального района, т. е. Московского и Русско-Бельгийского обществ, и сосредоточил все производство на заводах Южного и Северного обществ. Последние два общества заняли командное положение в синдикате и из своих прибылей выплачивали компенсацию двум другим обществам.

Из них Русско-Бельгийское общество еще задолго до организации синдиката в самом начале кризиса, в феврале 1900 г., было спасено Государственным банком, выдавшим ему неуставную ссуду сначала в 250 тыс. р., увеличенную в том же году до 324,5 тыс. р. под залог нереализованных облигаций на 590 тыс. р. и соло-векселей общества сроком на 9 месяцев. Разумеется, общество в срок ссуды не погасило и банк рассрочил ему платежи на 3 года. До середины 1902 г. общество уплатило всего 24 тыс. р., а долг его с наросшими процентами достиг 333 тыс. р.

⁴ Все приводимые ниже отчетные данные четырех обществ, входивших в синдикат, заимствованы из приложений к «Вестнику финансов, промышленности и торговли» за соответствующие годы («Отчеты предприятий, обязанных публичной отчетностью») или же из «Ежегодников Министерства финансов». Годовых отчетов, выпускавшихся самими обществами, не удалось найти.

⁵ Впоследствии для краткости именовалось «Южным обществом».

⁶ А не Международного и Азовско-Донского банков, как сказано у Г. Цыперовича. Азовско-Донской банк контролировал другие стекольные предприятия, не производившие зеркального стекла.

В это время общество, готовясь к вступлению в синдикат и к консервации завода, стало спешно реализовать не только готовые изделия, но и полуфабрикаты, т. е. именно те активы, на которые банку в крайнем случае легче всего было обратить взыскание. Тогда Государственный банк приступил к принудительному взысканию долга, опротестовал векселя и начал продавать облигации, но реально ему удалось продать их всего на 6.3 тыс. р. (за четверть номинальной цены), а облигации на 513 тыс. р. перешли в собственность банка за 139 тыс. р. На этом банк, а по существу Витте (такого рода действия банка могли производиться только по решению министра финансов) остановился — взыскание было приостановлено «ввиду обещания директора-распорядителя в кратчайший срок погасить ссуду». Вслед затем Витте санкционировал как участие Русско-Бельгийского общества в синдикате, так и рассрочку платежа долга банку до 1930 г. (т. е. на 28 лет).⁷ Сверх того, банк вернул обществу его облигации, а сумма, за которую они были приняты в портфель банка, опять была присоединена к задолженности общества, в связи с чем вся его задолженность вместе с процентами достигла 370 тыс. р.

Таким образом, Витте прямо способствовал организации синдиката, которая была бы затруднена, если бы банк потребовал погашения значительной доли задолженности Русско-Бельгийского общества до вступления его в синдикат. Более того, Витте согласился на весьма необычную даже для практики неуставных ссуд 28-летнюю рассрочку погашения долга, дав тем самым возможность синдикату ограничить выплату компенсации за консервацию завода общества суммой около 90 тыс. р.,⁸ в то время как Московскому стеклопромышленному обществу, которое было подконтрольным Международному банку, та же компенсация, при той же производительности его заводов (около 100 тыс. кв. м в год у обоих обществ) была практически установлена в сумме вдвое высшей (около 190 тыс. р.). Если бы указанные суммы были поровну разделены между обоими обществами, то на долю Русско-Бельгийского общества пришлось бы 140 тыс. р., т. е. оно могло бы ежегодно уплачивать банку вместо 30 тыс. р. — 80 тыс. р. и погасить свою задолженность в 5—6 лет. Но линия

⁷ Синдикатский договор был подписан Южным, Северным и Московским обществами 27 мая 1902 г. Русско-Бельгийское общество «примкнуло» формально лишь в декабре: «Участие Русско-Бельгийского общества в названном синдикате, затрагивая интересы Государственного банка, было обусловлено соглашением с банком, состоявшимся 9-го декабря того же года». (ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 1009, л. 629).

⁸ Там же.

Витте заключалась в том, чтобы всячески помогать крупному капиталу возможно более безболезненно «ликвидировать» вызванное кризисом перепроизводство, не останавливаясь перед консервацией предприятия,⁹ а также покрыть убытки этих лет. Именно поэтому Государственный банк пошел на указанные крайне невыгодные для коммерческого банка условия.

Практически эти условия означали, что 28-летней отсрочкой банк давал возможность синдикату и заинтересованному в нем Международному банку быстрее поправить свои дела. Получая 190 тыс. р. компенсации в год, Московское общество покрывало убытки в течение немногих лет, а затем и свою крупную задолженность своему фактическому хозяину — Международному банку. Передача облигаций обратно в собственность Русско-Бельгийского общества также была направлена на облегчение для Русско-Бельгийского общества и для синдиката в целом тяжести платежей Государственному банку. Одних процентов по облигациям, перешедшим к банку в номинальной сумме 513 тыс. р., надо было платить 23 тыс. р. в год, а так как банк их приобрел за 139 тыс. р., он, действуя как каждый коммерческий банк, получал бы 17% к этой сумме. Заменяя свое владение облигациями задолженностью общества, оплачиваемой 6,5%, банк возвратил ему свой «законный» в капиталистическом хозяйстве доход в 15 тыс. р. в год.

Но вместе с тем банк ограничивал и свои юридические возможности нажима на общество. Владелец облигаций при неплатеже процентов может возбуждать вопрос о признании общества несостоятельным и требовать его ликвидации, тогда как в качестве залогодержателя облигаций банк сперва должен был вновь обращаться к процедуре их принудительной продажи.

Все это прекрасно учили заправила синдиката в начале промышленного подъема 1909—1913 гг., когда истек срок действия первого синдикатского договора. В условиях начинавшегося расширения городского строительства заправила синдиката вовсе не намерены были добиваться максимальной прибыли путем расширения производства, а стремились по-прежнему половину производственной мощности (половину заводов) законсервировать еще на 12 лет, т. е. сохранить в неприкосновенности основы своей синдикатской политики. Без согласия банка на новый синдикатский договор, хотя бы не оформленного соглашением, как в 1902 г., но данного в устной форме, заправила синдиката

⁹ См. увенчавшиеся полным «успехом» старания Витте законсервировать Керченский завод в нашей статье в «Исторических записках» (т. 35, 1950, стр. 112—113).

обойтись не могли. У них были, конечно, и некоторые сомнения: как отнесется Министерство финансов к дальнейшей консервации половины предприятий, когда кризис уже миновал.¹⁰ Разумеется, при улучшившемся финансовом положении всего синдиката в целом в 1910 г. нетрудно было до заключения нового договора погасить задолженность Русско-Бельгийского общества банку. Но от такого чисто коммерческого подхода к делу Государственный банк отучил синдикатчиков еще в 1902 г. Поэтому заправила синдиката избрали следующую тактику.

Русско-Бельгийское общество, аккуратно вносившее обусловленные при заключении первого синдикатского договора ежегодные платежи банку, с середины 1909 г. без всяких к тому оснований стало их задерживать. Второй платеж за 1909 г. был произведен с запозданием и притом в половинном размере, а в 1910 г. общество ничего не уплатило банку.¹¹ Перед заключением нового договора в августе 1910 г. правление Русско-Бельгийского общества выступило с предложением, что остающийся долг общества, все еще 318 тыс. р., будет погашаться им более высокими ежегодными взносами, чем раньше, и общество погасит долг полностью не в 1930 г., а в 1923 г. Одновременно общество соглашалось, чтобы все платежи банку производились прямо синдикатом, т. е. последний по существу гарантировал производство платежей в срок. Играя на видимой коммерческой выгоде этих предложений для банка, выгоде весьма небольшой и только по сравнению с крайне невыгодными условиями 1902 г., а также на гарантии синдиката, после того как общество не платило целый год, — заправила синдиката выдвинули еще одно предложение. Один из представителей бельгийской части заправил, граф де Шевильи, выступил с предложением купить претензию банка в 318 тыс. р. за 135 тыс. р.

Такая покупка претензий за полцены и ниже широко практикуется в капиталистическом хозяйстве, когда кредитор уже не рассчитывает на взыскание долга полностью, а у капиталиста, покупающего его претензию со скидкой, имеются большие возможности для взыскания или он имеет свои особые цели в отношении данного должника.

¹⁰ Заправила Международного банка, лично близкие к Министерству финансов, не могли не знать «критических» выпадов Коковцова в адрес Витте (чисто словесных) по поводу консервации Керченского завода.

¹¹ Отчеты Русско-Бельгийского общества за 1909—1910 гг. показывают, что общество располагало средствами для платежей банку. По отчету 1910 г. общество произвело платеж процентов, очевидно после того, как банк продал свою претензию (см. ниже о ее продаже).

Государственный банк явно не находился в положении кредитора, не могущего полностью взыскать свою ссуду. Правда, финансовое состояние Русско-Бельгийского общества оставалось не блестящим, но по существу его правление являлось второразрядной частью синдиката, финансовое положение которого было в 1910 г. вполне хорошим. Прибыль всего синдиката за 1909 г., включая суммы, которые выплачивались обоим законсервированным участникам, превышала 1100 тыс. р. Коковцов в качестве министра финансов располагал огромными финансовыми и административными возможностями давления на синдикат вплоть до создания препятствий и перезаклучению договора и к дальнейшей консервации половины предприятий. Вместо этого банк стал на позицию рядового коммерческого предприятия, имеющего дело с малонадежным изолированным должником. За свою претензию в 318 тыс. р. банк охотно согласился на 158 тыс. р. (вместо 135 тыс.), подарив Русско-Бельгийскому обществу, на самом деле синдикатчикам, 160 тыс. р.

Таким образом, если Витте оказал прямую поддержку образованию синдиката и консервации половины заводов в годы кризиса, то Коковцов по существу санкционировал продолжение той же консервации и резкого ограничения производства в годы подъема. Прямая финансовая поддержка синдиката со стороны Витте заключалась в превращении краткосрочной задолженности Русско-Бельгийского общества в долгосрочную 30-летнюю ссуду. Коковцов же под видом обычного коммерческого соглашения по существу преподнес синдикатчикам 160 тыс. р., когда синдикат в целом вполне сложился и окреп.

Что же представлял собой Зеркальный синдикат, организация и деятельность которого получили полную поддержку обоих министров, находившихся непосредственно у руководства экономической политикой царского правительства в период империализма.

У русских промышленных монополий, сложившихся в экономически отсталой стране, свойственные монополистическому капиталу черты паразитизма и загнивания были выражены особенно сильно. Зеркальный синдикат, хотя и охватывал небольшую отрасль промышленности, интересен в том отношении, что указанные черты выступают во всей его деятельности с предельной наглядностью. Ни одно из известных монополистических объединений не ограничило в период подъема 1909—1913 гг. свое производство столь небольшой долей от полной своей производственной мощности — не законсервировало полностью половины предприятий, как это сделал Зеркальный синдикат, который не уступал при этом по величине своей прибыли (в процентах к акционерному капиталу) ведущим монополиям России.

Образование синдиката было чрезвычайно облегчено наличием в этой небольшой отрасли всего четырех крупных предприятий, что опять-таки характерно для России.¹²

Название общества	Производств. мощность в тыс. кв. метров стекол	Доля участия в синдикате в %	
Северное	125—225	30.625	Действующее
Московское	100	26.25	} Законсервиро- ванные
Русско-Бельгийское	100	12.5	
Южное	125—225	30.625	Действующее
	450—650	100.0	

Северное и Московское общества по существу имели одного хозяина — Петербургский международный банк. Поэтому достаточно было договориться заправилам банка с бельгийскими хозяевами Южного общества, чтобы образовать чрезвычайно крепкое монополистическое объединение, которое в разгар промышленного подъема ограничило производство 200 тысячами кв. м, т. е. 45% фактической производственной мощности (450 тыс.) и 31% к той мощности, которую нетрудно было достигнуть без существенных капитальных затрат (650 тыс.).¹³ Одновременно синдикат законсервировал половину предприятий.

Схема монополизации по синдикатскому договору была чрезвычайно проста. Вся страна была поделена на три района: Северный, отданный Северному обществу, Южный — Южному обществу, и Центральный, поделенный между обоими обществами, при закрытии заводов этого района. Заправилами синдиката являлись Северное общество и Южное общество. Северное, т. е. Международный банк, имел из 8 мест в правлении синдиката 3 места плюс 1 место Московского общества, включая должность одного из двух директоров-распорядителей. Южное общество имело 3 места, включая председателя и второго директора-распорядителя. На рынке Центрального района реализация велась совместно, т. е. непосредственно синдикатом, а для Северного и Южного районов синдикат устанавливал лишь продажные цены. Таким образом, синдикат представлял собой соглашение всего между двумя сторонами — между Северным (Международный

¹² Так, например, известное многоотраслевое монополистическое объединение «Вогау» установило в содовой промышленности свою монополию путем охвата сбыта продукции всего лишь двух крупных предприятий, единственных по производству в России специально соды.

¹³ См.: Русские биржевые ценности, стр. 194—195.

банк) и Южным (бельгийским) обществами с небольшим преобладанием первой стороны, так как в ее пользу поступала большая доля компенсации за консервацию заводов. Соглашение было направлено как на прямое ограничение производства, так и на предотвращение возможности появления новых предприятий — конкурентов. Единственный внесиндикатный завод Амелунга производил менее 10 тыс. кв. м зеркального стекла, т. е. лишь 5% синдикатской продукции. Но в договоре предусматривалось, что если выпуск продукции этого завода превысит 10 тыс. кв. м, то это послужит причиной для расторжения синдикатского договора, т. е. заключения нового, направленного на то, чтобы в зародыше удушить конкурента. За явное или скрытое участие в учреждении нового предприятия предусматривался огромный штраф в 500 тыс. р., явно непосильный для законсервированных предприятий, если бы они попали в другие руки.

Вместе с тем, как при всяком соглашении между монополистами, внутри синдиката шла борьба между обеими сторонами. Ясным тому свидетельством являются довольно значительные капиталовложения, сделанные в годы подъема как Южным, так и Северным обществами,¹⁴ при значительном неиспользовании существующей мощности предприятий.

Весьма любопытен принятый в синдикатском договоре метод компенсации Московского и Русско-Бельгийского обществ за консервацию их заводов. По § 3 договора эта компенсация выплачивалась не в твердых суммах, а в зависимости от размеров реализации продукции синдикатом в целом и доли участия неработающих предприятий в синдикате. Это участие выражалось в том, что их долю продукции в синдикате фактически производили заводы Северного и Южного обществ, но последние получали за указанную долю не по полным реализационным ценам, а по твердым внутренним расчетным ценам, установленным в § 3 синдикатского договора.¹⁵ Законсервированные же предприятия получали в качестве вознаграждения за прекращение производства разницу между реализационными и твердыми

¹⁴ Прирост основных средств (имущества) явственно выступает из сопоставления балансов обоих обществ на 1 января 1912 г. и на 1 января 1914 г.

¹⁵ Начиная с 10 р. за кв. м в пределах выпуска синдикатом на рынок 125 тыс. кв. м стекла, с последующим снижением при большем выпуске до 7 р. за часть, относящуюся к выпуску сверх 175 тыс. кв. м. При выпуске в продажу 200 тыс. кв. м средняя расчетная цена получалась 9 р. 25 к., что, очевидно, соответствовало средним издержкам производства, без амортизации, у Северного и Южного обществ (см. ниже таблицу).

внутренними ценами в размере своей доли участия в синдикате, т. е. свою долю в максимальной прибыли.

Деятельность синдиката отчетливо делится на два периода — 1903—1909 гг., когда он дал возможность устоять предприятиям и покрыть часть их огромных убытков за годы кризиса, и 1910—1914 гг., когда синдикат на основе резкого торможения размеров производства извлекал максимальные прибыли.

Накануне кризиса, к концу 1899 г., из трех обществ¹⁶ прочным положением обладало лишь Северное общество, существовавшее уже 5 лет и давшее за 1898 и 1899 гг. 1168 тыс. р. прибыли, в среднем 21% к акционерному капиталу.¹⁷ Московское и Русско-Бельгийское общества существовали лишь три года, имели накануне кризиса незначительную прибыль и еще не платили дивидендов. При этом у трех обществ (без Южного) к концу 1899 г. скопились огромные материальные запасы (материалы плюс готовая продукция) на сумму 3300 тыс. р., а дебиторская задолженность за реализованную продукцию составляла 1600 тыс. р. Для сравнения можно указать, что в середине подъема 1909—1913 гг. по всему синдикату материальные запасы составляли 947 тыс. р., т. е. сумму в 3,5 раза меньшую, а дебиторская задолженность — 765 тыс. р., или в два раза меньше.

К моменту организации синдиката, в 1903 г., материальные запасы снизились более чем втрое, до 1 млн р., а дебиторы — до 800 тыс. р., но одновременно выявились огромные убытки в 4 млн р., из них 2400 тыс. по Северному обществу¹⁸ и примерно по 800 тыс. р. по Московскому и Русско-Бельгийскому обществам.

За годы действия первого синдикатского договора судьба трех обществ была неодинаковой. Московское общество и Русско-Бельгийское приостановили свои заводы. Но так как Московское получало за консервацию в 2,1 раза больше Русско-Бельгийского, то оно новых убытков не имело, а убытки Русско-Бельгийского возросли еще на 250 тыс. р. Северное же общество, получив за эти годы свыше 1,3 млн р. прибыли, снизило на 800 тыс. р. свои

¹⁶ Четвертое — Южное — открыло свои действия только в 1898 г.

¹⁷ Общество за первые четыре года своего действия дважды увеличивало свой акционерный капитал, выплачивало крупные дивиденды, и уже через год после учреждения курс его акций на бирже достиг 180% номинала (см.: Н. Е. Пушкин. Статистика акционерного дела в России, вып. III. СПб., 1898, стр. 305).

¹⁸ Фактически по балансу Северного общества на 1 января 1903 г. убытки еще не значились, а активы не были снижены. Это произошло несколько позднее, когда общество попало в администрацию — управление кредиторов. Администрация расчистила баланс, и тогда выявились указанные в тексте убытки и снижение активов.

убытки и восстановило утерянный амортизационный фонд в 500 тыс. р. Полученные прибыли, а по Московскому обществу и ликвидация ненужных при закрытии заводов активов, использовались для усиленного погашения кредиторской задолженности, очевидно, в основном Международному банку.

В последний год действия старого договора Северное общество получило 370 тыс. р. прибыли, а Южное, которое не успело развернуть своей деятельности до наступления кризиса и мало было им затронуто, почти 600 тыс. р.¹⁹

Результаты нового синдикатского договора, заключенного в 1910 г., были таковы: за 1911 г. прибыль всего синдиката, включая переданную законсервированным предприятиям, составила формально по балансам всех четырех обществ вместе взятых 1765 тыс. р., а за 1913 г. — 2242 тыс. р., фактически (см. ниже в таблице) еще больше. Эта прибыль являлась результатом производства только заводов двух обществ. Из них Северное общество путем увеличения своего акционерного капитала с 2750 тыс. до 4500 тыс. р. ликвидировало свой облигационный долг и старую кредиторскую задолженность Международному банку, выплатило на увеличенный капитал 8.5% дивиденда и его 100-рублевые акции котировались в 1912 г. от 285 до 385 р. и даже после биржевого кризиса в 1913 г. — до 185 р.²⁰

Московское общество в 1913 г. за счет получения компенсации и за вычетом фактических расходов на консервацию показало 310 тыс. р. «прибыли», а за 1910—1913 гг. полностью покрыло «прибылями» свои старые убытки в 828 тыс. р.²¹ Компенсация (плюс дальнейшее снижение ненужных активов) дали Московскому обществу возможность погасить свыше 1 млн р. старой кредиторской задолженности.

Хуже всего обстояли дела у Русско-Бельгийского общества, получившего вдвое меньше «прибылей», чем Московское об-

¹⁹ Южное общество уже в 1903 г. показало по балансу 351 тыс. р. прибыли. Следует иметь в виду, что фактическая прибыль Южного и Северного обществ была больше балансовой на всю сумму компенсации, выплачивавшейся Московскому и Русско-Бельгийскому обществам за консервацию их заводов. Последние же за счет компенсации производили платежи процентов по своим долгам, расходы по консервации заводов и т. д., а разницу показывали по балансам в виде «прибыли» или «убытка». Весь этот учет по сумме балансов всех четырех обществ намного снижал прибыль синдиката в целом, которая для 1912 и 1913 гг. расшифрована ниже в таблице.

²⁰ См.: Русские биржевые ценности, стр. 329.

²¹ Формально на балансе продолжало еще числиться 300 тыс. р. убытка, но так как общество одновременно из ничего (не ведя производства), увеличило свой амортизационный фонд на 320 тыс. р., то по существу старые убытки были перекрыты.

щество. Его кредиторская задолженность, состоявшая на 1 января 1911 г. на 90% из одной лишь претензии Государственного банка, почему-то выросла на 1 января 1912 г., резко снизилась к 1913 г., а к 1914 г. стала выше той, что была на начало 1911 г. Очевидно, покупатели претензии банка из числа заправил синдиката, получив за 158 тыс. р. 318-тысячную претензию банка, дававшую ее приобретателю 20.7 тыс. р. дохода (т. е. не 6.5, а свыше 13%), занимались какими-то лично выгодными для них манипуляциями. У Русско-Бельгийского общества не было другой задолженности, на погашение которой заправилам синдиката приходилось бы уделять больше сумм из своих прибылей. Поэтому они не стали покрывать старых убытков общества прибылями синдиката, как это было сделано по Московскому обществу, а произвели формальную уценку его акционерного капитала, так называемое финансовое санирование.²² По балансу на 1 января 1914 г. акционерный капитал был уменьшен вдвое и за счет этого списаны убытки да еще искусственно увеличен амортизационный фонд на 500 тыс. р.

Южное общество, которое, как отмечалось выше, мало пострадало от кризиса, сумело полностью использовать синдикатский договор 1902 г. К концу его действия (в 1909 г.) Южное общество имело 591 тыс. р. Прибыли — 27% на акционерный капитал, выплатило 15% дивиденда, накопило значительные резервы в виде запасного капитала и амортизационного фонда, а свободная его наличность, денежная и в ценных бумагах, достигала 1271 тыс. р.

После заключения второго синдикатского договора в годы промышленного подъема прибыль общества составляла свыше 40%, доходя в 1911 г. даже до 50%; в 1910 г. было выплачено

²² Заправилы синдиката явно не доплачивали Русско-Бельгийскому обществу компенсацию по договору. При 12.5% его «участия» в производстве 200 тыс. кв. м продукции стекла его доля в синдикате составила 25 тыс. кв. м, за которые общество должно было получать около 12—13 р. за метр. Это являлось разностью между фактической реализационной ценой синдиката 21—22 р. (см. ниже) и внутренней расчетной ценой 9 р. 25 к., которую по § 3 получали действующие предприятия за ту часть их продукции, которая ими производилась «за счет» закрытых предприятий. Русско-Бельгийское общество фактически получало менее 9 р., на 30% ниже следуемой по договору суммы. Очевидно, был использован путанный конец того же параграфа, где действующие предприятия могли «недопоставлять» закрытым, платя неустойку в 5 р. с кв. м. Московскому обществу заправилы синдиката также недоплачивали, но когда окрепло Северное общество, Московское получило в 1913 г. в качестве компенсации почти 12 р. за метр. Судя по тому, что Русско-Бельгийское общество являлось пасынком синдиката, есть основания полагать, что оно принадлежало какой-либо второстепенной группе бельгийских капиталистов, а не заправилам Южного общества.

14% дивиденда, а в 1911 г. — 23%, в 1912 г. — 29%. Резервный капитал и амортизационный фонд общества увеличились на 700 тыс. р., а свободная наличность — до 1635 тыс. р. К концу подъема общество выплатило дивиденд в 6% за 1913 г. и всю массу прибыли обратило на увеличение внутренних резервов; одновременно общество за их счет провело расширение основных фондов.

Имеющиеся данные о выпуске на рынок продукции в 1912—1913 гг. в сочетании с данными синдикатского договора и отчетностью предприятий дают возможность сравнительно близко подойти к определению действительных размеров монопольной прибыли синдиката. Возможность близко определить, а не точно подсчитать, связана с тем, что в опубликованных отчетах только Северное общество показывало сумму реализации продукции — около 1800 тыс. р. в 1911—1913 гг. (с отклонениями в 2—3%). Исходя из того, что доля Северного и Южного обществ в производстве синдиката была одинаковой и реализация велась по единым ценам, оба общества получали от реализации около 3600 тыс. р. в год. Сверх того, через синдикат за реализованную продукцию передавалось в 1911—1912 гг. Московскому обществу 458 тыс. р. и Русско-Бельгийскому — 222 тыс. р. и в 1913 г. соответственно — 607 и 246 тыс. р. Таким образом, вся сумма, вырученная синдикатом от продажи около 200 тыс. кв. м зеркального стекла, составляла в 1912—1913 гг. около 4300—4500 тыс. р. в год. Прибыль входивших в синдикат обществ составляла (для Московского и Русско-Бельгийского — не показанная по балансу прибыль, а вся полученная ими компенсация) в тыс. р.:

Название общества	Прибыль по балансу		Действительная прибыль в тыс. р.		Действительная прибыль в % к акционерным капиталам работающих предприятий	
	1912 г.	1913 г.	1912 г.	1913 г.	1912 г.	1913 г.
Северное . . .	645	754	985	1180	36	26
Южное	1170	1093	1510	1520	68	68
Московское . .	458	607	—	—	—	—
Русско-Бельгийское . .	222	246	—	—	—	—
Итого . .	2495	2700	2495	2700	50	41

Дальнейшее сопоставление приведенных цифр (в тыс. р.) показывает:

	1912 г.	1913 г.
1. Примерная стоимость продукции синдиката по реализационным ценам	4300	4500
2. Прибыль синдиката	2500	2700
3. Разность — фактические издержки по коммерческой себестоимости без амортизации, около	1800	1800
Прибыль в % к издержкам	139	150
При реализации 200 тыс. кв. м зеркального стекла в год:		
А. Продажная средняя цена одного кв. м в рублях	21.50	22.50
Б. Себестоимость без амортизации одного кв. м в рублях	9.00	9.00

Следовательно, прибыль синдиката в годы промышленного подъема стояла на уровне 2500 тыс. р. — до 50% на сумму акционерных капиталов Южного и Северного обществ (снижение ее в 1913 г. связано с увеличением акционерного капитала Северного общества). По Северному обществу прибыль была примерно равна издержкам производства (коммерческой себестоимости, но без амортизационных отчислений) — 85% в 1912 г., 106% в 1913 г. У Южного общества, если бы его издержки были равны издержкам Северного, прибыль составляла бы 130—140%. На самом деле его издержки должны были быть ниже — на 400—500 тыс. р.,²³ и тем самым его прибыль к издержкам доходила до 200%.

Эти цифры нуждаются еще в поправке на амортизацию. Как известно, политика капиталистических монополий в области амортизационных отчислений не имеет ничего общего с реальным износом основных средств. Поэтому нельзя для этой цели пользоваться отчетными данными о «погашении имущества». Практически срок полного износа по всей совокупности зданий, оборудования, машин и т. д. не может в среднем быть меньше 15 лет или больше 6.6% в год от их покупной стоимости. Если же

²³ Параграфом 12 договора вводится для расчетов между участниками единая средняя продажная цена, и, следовательно, более высокая прибыль Южного общества, чем у Северного, зависела только от меньших издержек производства. Это, очевидно, было связано с тем, что Северное общество возникло из прежнего единоличного предприятия и получило его старые заводы, а Южное построило новое предприятие. При одинаковой производственной мощности основные средства Южного завода стоили по балансу вдвое меньше, чем у Северного; возможно, стоимость у последнего была раздута при учредительстве Международным банком.

учесть, что капиталистические предприятия в состав «имущества» включают и принадлежащие им земли, то указанный процент должен быть еще ниже. Балансовая стоимость имущества Северного и Южного обществ вместе составила 6 млн р., или при 6.6% годового износа — предельно 400 тыс. р. в год. На эту сумму увеличиваются издержки производства и уменьшается совокупная прибыль. Тогда прибыль к акционерному капиталу для 1912 г. составит не 50%, а 42%, а к издержкам производства для 1912 г. вместо 139% — 95% и для 1913 г. вместо 150% «только» 104%.

В конце 90-х годов, когда еще только начинали свою деятельность предприятия, образовавшие в 1902 г. Зеркальный синдикат, фактическая цена 1 кв. м зеркального стекла была от 5 до 20 руб. в зависимости от абсолютных размеров стекла, а стоимость всей продукции, включая ее дополнительную обработку на мелких отделочных предприятиях, составляла 1700 тыс. р. В официальном издании Министерства финансов отмечалось, что производство это еще мало развито, а «цена зеркальных литых стекол в России еще довольно высока».²⁴ Зеркальный синдикат поднял среднюю цену стекла выше максимальной сортаментной цены его в домонополистический период.

В итоге в России потребовалось около 200 тыс. кв. м зеркального стекла в год, в 4.5 раза меньше, чем во Франции, и в 6 раз меньше, чем в Германии.²⁵

Приведенные расчеты, построенные только на официальных отчетных данных с использованием условий синдикатного договора, дают представление о масштабах максимальной прибыли, достигавшихся синдикатской политикой ограничения производства в условиях промышленного подъема, но не могут до конца объяснить эту политику. В частности только документы самого синдиката, до сих пор не обнаруженные, могли бы объяснить, почему синдикат не шел на расширение производства, которое не требовало дополнительных капитальных затрат и, казалось бы, даже при снижении монопольных цен могло бы привести к увеличению общей массы прибыли. Но и без этого отчетливо выступает крайне паразитический характер политики Зеркального синдиката и конечные ее результаты.

В настоящее время нельзя дать точного ответа, были ли подобные размеры максимальной прибыли типичными для русских промышленных монополий. Прибыль отдельных предприятий, главенствовавших в синдикатах, достигала тех же размеров в процентах на их капиталы, что у всего Зеркального синдиката. В це-

²⁴ Россия в конце XIX столетия. СПб., 1900, стр. 412.

²⁵ См.: Русские биржевые ценности, стр. 194—195.

лом же подсчитать прибыли ведущих синдикатов, особенно по отношению к их издержкам, — весьма затруднительно и требует сложных архивных изысканий.²⁶

Тем не менее, приведенные аналитические данные и факты из истории Зеркального синдиката имеют несомненный интерес для общей характеристики монополистического капитализма в России. Это относится прежде всего к самой возможности получения, при крайне низком использовании производственных мощностей предприятий, огромной максимальной прибыли, а затем к той поддержке, которую Витте и Коковцов оказали Зеркальному синдикату и его политике крайнего ограничения производства.

²⁶ Близо подойти к определению величины максимальных прибылей по Зеркальному синдикату позволяет однородность его продукции, наличие единых средних расчетных цен, небольшое число входивших в него предприятий и относительная простота синдикатского договора. Все эти условия отсутствуют по ведущим синдикатам.